

ПРОЛОГ

Женька Высоцкая всегда знала: настоящая жизнь случается только с другими. Однажды приняв это, она смирилась и теперь просто плыла по течению, наблюдая, как у всех вокруг творится та самая настоящая жизнь.

В одном старом американском, кажется, фильме она видела парня, который жил в прозрачном пузыре. Женька не помнила ни сюжета, ни подробностей, помнила только, что когда увидела этого парня, сразу поняла — да, она такая же. Живет в пузыре. Окружающие видят ее, разговаривают с ней, но держатся в стороне. Для них она словно не живая.

Эта мысль так прочно въелась в ее сознание, что однажды Женька и сама поверила в нее. Будто кто-то нашептывал ей — «ты же всегда это знала, чему удивляться?». И она не удивлялась.

Иногда настоящая жизнь приходила и к Высоцкой — с очередной проблемой. От них, видимо, прозрачные

пузыри не защищали. Тогда Женька надевала наушники и сбегала в место, где проблемы можно переждать. Или включала очередной сериал — благо недостатка в новых не было.

Она поступила бы так же и в тот раз — сериал или музыка, сносящая уши...

Но в тот раз... ей даже не дали надеть наушники.

1

— Эй, мелкий! — ленивый голос разрезал тишину полупустого этажа.

— Развлекаешься, Арт? — хмыкнул рядом одноклассник, но Артур и бровью не повел.

— Оглох, что ли? — продолжил он, не отводя взгляда от объекта наблюдения.

«Объект» даже не обернулся, хотя вокруг заозирались все, в том числе и школьная медсестра Анна Михайловна, к которой слово «мелкий» в принципе не могло относиться.

Тут уж Артур не выдержал — пересек коридор и схватил за плечо хлипкого вида мальчишку лет тринадцати, темноволосого и взъерошенного, точно воробей Пашка из повести Паустовского. Мальчишка только поморщился.

— Пойдем поговорим, — Артур отпустил мальчика и зашагал к лестнице, зная, что тот пойдет за ним.

— Не бей его сильно, — весело раздалось им вслед.
— Шутники, блин, — Артур даже не обернулся.
— Ну что? — насмешливо поинтересовался мелкий уже на лестнице. — Таки бить будешь?
— Топай-топай! — коротко откликнулся Артур и ответил мальчишке подзатыльник. — Вперед и с песней.

В тот грязно-коричневый день Женька узнала секрет, который предназначался не ей. И еще прочитала одну мерзкую переписку. Да, знала же, читать чужие сообщения плохо, и всё равно... Собственно, не прочитать ее она и не могла, потому что переписка отображалась в ее телефоне, а значит, у Женьки не было поводов чувствовать себя виноватой, раз кто-то просто не уничтожил улики.

Вчера Вика брала ее телефон, чтобы войти с него в ВК, и забыла выйти со своей страницы. Сегодня приложение открылось на сообщениях. Сначала до Женьки не доходило — сообщения и сообщения, но одна фраза зацепила, и, вчитавшись, она поняла, что ничего подобного не писала, а потом и вовсе увидела свое имя. Свое и... Максима Стрельникова из параллельного класса. Женька якобы вешалась на него и ее попытки привлечь его внимание были смешны и нелепы. Именно так Вика и писала Лене: *«Смешная и нелепая! Она еще на что-то рассчитывает! У нее нет шансов! Такие, как она, ему не интересны...»*

Теперь Женька почему-то чувствовала вину, а еще стыд, липкий и душащий, от которого хотелось поскорее отмыться. Будто она оказалась голой перед всем классом или ее обвинили в воровстве и украденное нашли в ее вещах — такое было у нее ощущение, совсем не связанное с реальностью. Ну подумаешь, лучшие подруги ярко и красочно перемывали ей косточки, навешивали разные ярлыки и рассуждали о Женькиной распущенности! С кем не бывает! Уже потом, в классе, когда и Вика, и Лена вели себя так, словно ничего не произошло, она поняла, что не может больше сидеть в одном помещении с этими двумя, и ей оставалось только сбежать.

Она и сбежала. И потому разгоревшийся следом скандал с красными кедами какого-то семиклассника благополучно пропустила. Слышала что-то краем уха, но даже на мгновение не задумалась о новости. Мало людей нашлось бы в мире, кто, узнав о предательстве друзей, станет интересоваться судьбой чьей-то похищенной обуви, пусть и дорогой. Вот и она не заинтересовалась.

В качестве укрытия была выбрана крыша старого сарая с инвентарем в глубине школьной территории, у забора. Место по-своему легендарное — к нему приходили прогульщики, экстремалы, для которых верхом экстрима было покурить на школьном дворе, парочки, назначающие тайные свидания, и враги, вызывающие друг друга на стрелки.

Сама Женька не сидела на крыше сарая много лет, с тех пор, как еще мелкими они лазали сюда с Вадиком Суховым, играя в прятки в летнем лагере. Об их тайном месте до поры до времени не знал никто, и в прятках им не было равных, пока о нем не растрепала тогдашняя Женькина подружка Маша Барышева. То ли она не хотела делить Вадика с Высоцкой, то ли просто обиделась, что ее не посвятили в тайну, но однажды утром о секретной крыше узнали, и после этого она, ясное дело, потеряла свою таинственность. С тех пор это место использовали все кому не лень.

Женька обычно держалась от сарая подальше, не пошла бы сюда и сейчас, если бы не безвыходное положение: она не могла уйти совсем — следующим уроком шла ненавистная физика, и на ней следовало появиться. В школе не спрячешься, да и перед входом долго не проторчишь — охранник то и дело выходит на крыльцо. Одним словом, крыша сарая была единственным Женькиным спасением.

Только было собралась хоть на полчаса покинуть эту вселенную и послушать музыку, как выяснилось, что наушники скрутились в самый тугой узел в мире, ветер достает и на крыше тоже, а на телефон ежеминутно приходят сообщения от Мирославы — соседки по парте — и Вадика Сухова. Оба имели самое непосредственное отношение к школьному телевидению и, как настоящие журналисты, интересовались всем необычным.

Не отвечая на сообщения, Женька хмуро распутывала провода наушников, слушая приглушенные мотивы знакомой мелодии, пока не стало понятно, что сегодня бесполезно ждать успеха даже в самом маленьком и незначительном деле.

«Everything's gonna be alright*», — пел низкий женский голос откуда-то из девяностых, опровергая все ее пессимистичные мысли. Мысли почему-то не особенно опровергались, и Женька глубоко вздохнула, стараясь не порвать хрупкий зеленый проводок в припадке нервной истерики. В итоге оставила наушники в покое и легла на крыше сарая на сложенные под головой руки.

— Ну и что? Что должно быть в порядке?! — спросила она у неба. Небо промолчало.

* * *

— С чего ты взял, что я имею к этому отношение, а? Нет, ну надо же... родной брат — и предатель.

— Фальшивишь, братец, — выделяя последнее слово, сказал Артур. — Не надо считать, что ты умнее окружающих.

— Но ты же себя считаешь умнее, разве нет?

— Хватит валять дурака! — разъярился Артур и стянул с шеи фотоаппарат, включил и сунул в лицо брату. — Ничего не скажешь?

* «Всё будет в порядке» (англ.).

Денис пару мгновений смотрел на фотографию, а потом перевел спокойный взгляд на братца.

— Если бы жертвы твоего шпионажа увидели эти фотки, кому-то точно заткнули бы рот.

— И что же я слышу? — хмыкнул Арт. — Кажется, это угроза?

Артур Раевский часто смотрел на мир сквозь окошко видеоискателя. Это окно было ничуть не хуже реального, даже позволяло увидеть множество вещей намного яснее. Он раньше других узнавал о расставаниях одношкольников, замечал мелкие грешки, вроде курения за углом школы, разборки в темных коридорах и еще массу всего запечатленного в памяти фотоаппарата. Его объектив улавливал чувства и эмоции, которых Артур не понимал и в которых не хотел разбираться. Все сделанные кадры Арт сохранял в своем архиве и, замечая нечто необычное, со смешком представлял, как многие в школе — любители тайн и сплетен — отдают за них почти всё что угодно.

Для него же это были просто фотографии, кусочки пазла, который он ежедневно складывал из реальности; они не таили в себе ценных воспоминаний и даже не всегда несли глубокий смысл, они просто были. Служили ступеньками в постижении фотоискусства и передавали всех, кто был на них запечатлен, в истинном свете, без прикрас.

Арт не жаждал копаться в душах и головах людей, понимать и разделять их интересы, входить в их мир или впускать их в свой. Он оценивал свои работы только по факту — остановленному моменту времени на фото, — и его не интересовали истории людей, которых удалось заснять.

Однако кое-кто считал, что в этом и заключался главный минус его фотографий.

— Ну всем хороши твои работы, тут и сомнений нет, — рассуждал его наставник Ксан Ксаныч, раскладывая перед собой фото Артура, подготовленные на конкурс. — Ракурс, свет, композиция. Сюжет. Иной раз и постановку невозможно определить. Но вот люди у тебя на снимках...

Он взял фотографию, на которой две девчонки лет четырнадцати сидели на скамейке у подъезда и ярко кого-то обсуждали. Вся земля под ними была усыпана шелухой от семечек, и, хотя девчонки в этом были не виноваты, складывалось ощущение, что намусорили именно они.

— Что люди? — лениво поинтересовался Артур, отводя взгляд от стены с фотографиями в студии. Он знал, что за этим последует.

— Не любишь ты людей, — подытожил наставник. — Они у тебя всегда сняты в такие моменты, которые выставляют человека не в лучшем свете.

— Ну я же не виноват, что они попадаются мне на глаза в эти самые моменты, — ухмыльнулся Арт.

— Нет, они цепляют тебя в эти моменты, — искоса посмотрел на него наставник.

— Есть разница?

— Да, просто ты подсознательно ищешь что-то такое. Ты же автор фото.

— Значит, будем считать, что это моя индивидуальная манера, — резко отозвался Раевский. Все эти разговоры о добре и любви к людям случались в последнее время всё чаще и были очень некстати. Не сейчас, когда у него осталось меньше года для воплощения большого проекта.

Этот проект — «Мир в тебе» — был идеей одного крупного бизнесмена и позволял пятерым победителям бесплатно поступить на любой творческий факультет ведущих вузов страны. Победителю нужно было лишь определиться с университетом и факультетом, и его зачисляли туда автоматически. Естественно, стать победителем было совсем непросто.

Артур мечтал об участии в этом проекте уже несколько лет — и вот с этого года наконец имел право подать работы на конкурс.

У Артура Раевского была цель: получить защиту в виде этой победы. Чтобы никто уже не мог ему указывать, что делать, куда идти учиться. Чтобы отец не оплатил ему обучение в вузе его собственной мечты и не привязал к себе еще на много лет. И сколько бы Арт ни ломал голову, выходило, что «Мир в тебе» — единственный способ стать независимым.

По условиям участники проекта предоставляли на конкурс полноценную творческую работу. Форма не устанавливалась — это могли быть и серия видео, и фотографии, и рисунки, и повесть. Намного важнее было содержание — то, что скрывается внутри проекта. Поэтому Артур находился в постоянных поисках сногшибательной идеи, которая поможет ему победить.

Идея всё не находилась, а вдобавок возникли и претензии к его фотографиям.

— Не стоит нервничать, — говорил Ксан Ксаныч. — У тебя впереди еще много времени, чтобы что-нибудь придумать.

— Не уверен. Пока я не найду что-то действительно цепляющее, не успокоюсь.

— Для этого, мне кажется, нужно хотя бы немного представлять, что именно ты ищешь.

Да, Артур не знал, что ищет. Поэтому просто продолжал фотографировать. Ежедневный ритуал начинался возле школы. В хорошую погоду Арт не уходил с улицы до последнего, фотографируя лица и моменты встречи. Признаться, ему нравились эти минуты. До того как подростки переступали порог школы, они казались максимально искренними, были собой и потому больше, чем когда-либо, интересовали Раевского.

В тот день в конце марта, когда на фотографиях оказался младший брат Артура, Раевский был совсем не в духе, потому что проспал и занял свой пост у школы слишком поздно. Ученическая масса уже давно шла сплошным

поток, и кадры выходили так себе, ясно передавая настроение их автора.

Неподалеку от фотографа его одноклассница Женька Высоцкая, казалось, ни с того ни с сего выронила свой телефон. Артур, вероятно, и не заметил бы, если бы рядом с ней не нарисовался Макс Стрельников, как всегда кинувшийся на помощь. Пока растяпа Высоцкая благодарила, а Стрельников (по лицу было видно) активно флиртовал, на его шее, особо не стесняясь окружающих, повисла девятиклассница Таня.

Ухмыляясь, Артур делал кадры один за другим, фиксируя, как Таня уводит Стрельникова в школу, а растерянная Высоцкая остается позади.

Арт мельком взглянул на часы — пора было заходить внутрь. Улов маловат, конечно, но что-то наверняка сгодится.

Раевский начал просматривать кадры и вдруг зацепился взглядом за знакомое лицо. Дэн прощался за руку с незнакомым мальчиком за оградой школы. Несколько кадров назад — и Арт явно увидел, как братец передал мальчишке объемный пакет, сквозь который просвечивало нечто красное.

Раевский взглянул поверх камеры на толпу. Конечно, Денис уже растворился и до следующей перемены его точно не найти. Непонятно почему Арт испытывал смутное беспокойство по поводу пакета. Возможно, там и не было ничего плохого. Однако, зная его брата, ожидать можно было чего угодно.

Всё с тем же мрачным предчувствием Раевский поднялся по ступенькам и, войдя внутрь, услышал ежеутреннее школьное шоу «Телеболталка», которое вели его одноклассник шут Вадик и девочка из параллельного Саша. Обычно ему было плевать, но сегодня активная болтовня Сухова и Емельяновой раздражала. Правда, Раевский так и не успел надеть наушники и скрыться от нее.

— А знаешь, Саша, — произнес Вадик в тот самый момент, когда Артур проходил мимо экрана в холле, — одна птичка сейчас на хвосте принесла, что у нас в школе, не побоюсь этого слова, ЧП! Произошло оно сегодня с утра пораньше, и можешь ли ты угадать, что случилось?

— Ты меня пугаешь, Сухов! Какое ЧП, если еще даже уроки не начались?

— Только что в группу «Телеболталки» кто-то написал, что прямо сейчас семиклассники пришли на урок физкультуры и один из них обнаружил, что пропали его дорогие красные конверсы. Можешь себе представить?!

Артур замер на месте. Он больше не слушал болтовню. Красные конверсы. Денис учится в седьмом классе, и первым уроком у него физра.

2

С некоторым всплеском самоиронии Женька Высоцкая вдруг подумала, что, несмотря на грязно-коричневые

краски дня, ей всё же удивительно повезло с погодой. Сидеть и кукситься в стороне от всех, жалеть себя и придумывать способы отмщения подружкам было бы не так забавно, если бы на улице было по-весеннему слякотно и моросил противнющий дождь, а холод забирался бы под тонкую куртку. То есть, получается, погода благоволила к тому, чтобы Женька Высоцкая вела себя как плакса?

Нет, несмотря ни на что, следовало признать, погода действительно приятная. Словно лето решило чуть раньше заглянуть на огонек, просто посмотреть, как тут обстоят дела. Лето... в начале прошлого лета она была с родителями в Испании, а затем сидела в городе и в самую дикую жару не покидала стен прохладной квартиры, смотрела десятками фильмы и сериалы, читала книжки. По вечерам, когда жара спадала, Вадик и Мирослава вытаскивали ее на улицу, и они проходили квартал за кварталом, вклинивались в толпы таких же безмятежных подростков, забредали в парки, попадали на фестивали и ели мороженое тоннами. А затем Мирослава уехала в лагерь, зато из своих поездок вернулись Лена и Вика, те самые подружки-предательницы, и стали сманивать Женьку с собой. С ними Высоцкая близко сошлась за девятый класс и даже начала по наивности думать, что нашла наконец людей, максимально похожих на нее.

Как же она могла так ошибиться? И почему всегда ошибалась в друзьях?